Войдя в раскрывшуюся дверь, или Исцеление на задворках

А. Фёдоров

А. Фёдоров

Войдя в раскрывшуюся дверь, или Исцеление на задворках

«Автор»

2023

Фёдоров А.

Войдя в раскрывшуюся дверь, или Исцеление на задворках / А. Фёдоров — «Автор», 2023

В одном из городов появляется странный лекарь, а за городом, в старом складе, начинают происходить чудеса.

© Фёдоров А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

А. Фёдоров
Войдя в раскрывшуюся дверь, или Исцеление на задворках

Пролог

Ночь миновала свою середину. На весеннем небе, чистом и прозрачном, рассыпалась звездная крупа размером от средних горошин до мельчайших песчинок, почти теряющихся за передвижением воздушных слоев далеко-далеко наверху. Располагаясь каждая на своем месте, яркие крупинки смотрели на лежащую внизу землю по-разному: одни ясно и четко, другие вроде бы подслеповато, – однако все они перемигивались друг с другом посредством, видимо, звездной азбуки Морзе, принимая и посылая только звездам понятные сигналы. О чем таким образом переговаривались небесные насельницы, простому смертному, естественно, было неизвестно, однако многие из живущих на Земле, кто хоть изредка обращал взор на небо, старался верить в благожелательное отношение звездных россыпей к маленькой голубой планете.

Четырехполосная автодорога, уходившая прямой четкой лентой в сторону столицы, была в середине ночи почти пуста; лишь изредка промчится какая-то, торопящаяся неизвестно куда от главного города страны, машина, а то вдруг свернет направо, где уютно расположилась заправочная станция, рядом с которой компактно примостился минимаркет для удобства клиентов. Как все-таки это приятно, что забота распространяется на всех, принимающих участие в путешествии: по пути вполне доступно напоить железную колесницу, да и себя не забыть, вкусив какой-либо пирожок, или бутерброд, или горячую сосиску с котлеткой, а при желании, в любое время дня и ночи, можно принять и полноценный обед, ужин или завтрак, смотря по времени суток. Пространство автозаправочной стации ярко освещено, вполне ухожено, своей чистотой и порядком радует глаз путешествующего или просто проезжающего мимо.

Прямо напротив заправочной станции, с другой стороны дороги, размещалось на удалении от проезжей части некое сооружение, высокое и объемистое, напоминавшее ангар. До недавнего времени здесь размещался склад-магазин строительных и отделочных материалов, но в силу неодолимых внешних причин закончивший свое существование. Несколько последних недель внутри этого строения работала денно и нощно (в две смены, не иначе) ремонтно-строительная бригада, жужжали, звенели и громыхали какие-то механизмы, подъезжали грузовики, привозя пеноблоки, трубы, отделочные материалы, то есть то, что требуется для ремонта и строительства, а также благоустройства жилых помещений. Но предшествующим вечером площадка перед ангаром совершенно опустела, строители увезли остатки мусора, специальная машина прошлась по асфальтовому покрытию перед строением, подметая и даже всасывая оставшуюся мелочь. Теперь сооружение стало вновь безжизненным, не освещенным и словно бы пустым.

Закономерный рассвет начал осветлять восточную часть неба, звезды, начиная с этой стороны, начали сливаться с окружающей средой, по две-одной исчезая, растворяясь в рассветных объятиях. Начали просыпаться птицы и пробовать крылья, мелкие букашки, с трудом взбираясь на травинки, готовились к появлению солнышка, что одним своим появлением оживит их, толстенький воробей, живший со своей подругой под крышей ангара, взлетел на эту крышу и стал пробовать голос. Он был доволен жизнью: еды вполне хватало, в семье ожидалось скорое пополнение, он был совершенно здоров, и вредным кошакам его не достать на такой высоте.

В пять часов утра по передней стороне спящего ангара внезапно вспыхнула и поплыла ярко-алая рекламная лента, обозначая теперешнее название бывшего склада: «АБСОЛЮТНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ. ОЧЕНЬ ДОРОГО, КРОМЕ ИСКЛЮЧЕНИЙ. ЕЖЕДНЕВНО. 5:00 – 6:00».

Стояночная площадка перед зданием ярко осветилась, автоматические двери призывно распахнулись, открывая пространство входного тамбура, и раздался незабываемый голос уникальной Мари Лафоре «Manchester et Liverpool».

Однако в этот раз никто не вошел в распахнутые двери, никто не съехал в сторону бывшего склада, да, пожалуй, никто из водителей и пассажиров не обратил внимания на внезапное оживление строения напротив заправочной станции. Видимо, пока еще не было желающих ознакомиться с ярко-алым приглашением к дорогому абсолютному излечению.

Глава 1

Посетитель был назойлив. Назойлив, занудлив и уперт. Сколько ни объясняй ему, что в данный момент регистрация его задумки как некоего индивидуального предпринимательства невозможна, он настаивал на том, что уже потерял много времени. Инна Владимировна порой даже (это она, с её классической выдержкой аппаратного чиновника) теряла терпение, но внешнего вида не показывала.

– Господин Николаев, – в сотый (или тысячный) раз повторяла она, – вам нужно собрать еще некоторые документы, чтобы мы адекватно рассмотрели вашу заявку.

– Глубокоуважаемая Инна Владимировна, – ответствовал проситель, – я посещаю вас и ваше присутствие в течение вот уже двух полноценных недель, а воз и ныне там. Ведь можно просто написать разрешение, подписать его – и все. Я – вот он, в наличии, не золото и брильянты вы мне поручаете охранять, с ними, конечно, можно скрыться, но я-то собираюсь заниматься излечением людей, паспорт мой известен, адрес регистрации тоже, вы всегда, если я что-то нарушу, можете отозвать разрешение, а пока давайте просто попробуем, посмотрим на первые результаты. А?

– Все не так просто, господин Николаев, – сдержанно произнесла Инна Владимировна, даже понизив голос, – у вас нет заключения экспертов о соответствии вашей образовательной базы запрашиваемому объему работы, которую вы намереваетесь исполнять. Даже я, человек далекий от медицины, понимаю, что врач ультразвуковой диагностики – это врач-диагност. Как можете вы даже провести какое бы то ни было лечение, если вы – диагност? А? – в пику ему ответила женщина.

Посетитель, посмотрев на женщину, как-то задумчиво произнес:

– Знаете, лихорадка, особенно под сорок градусов, является признаком серьезнейшего повреждения организма, иногда необратимого?

– Зачем вы мне описываете какие-то симптомы, я не медик, мое дело – правильное оформление документов.

– Документов… да, документов, – также задумчиво произнес проситель, а затем, внезапно изменившись, сказал несколько напряженным и жестковатым тоном, – поверьте, мне надоело попусту ходить к вам. Поэтому, вот мой телефонный номер, – он положил на стол Инны Владимировны бумажку, – позвоните в любое время дня и ночи, как только разрешение будет готово.

Затем, быстро развернувшись и сделав несколько широких шагов, посетитель скрылся за дверью.

Оставшись одна, Инна некоторое время сидела, прокручивая в голове едкий ответ насчет телефонного звонка и ничего не надумав, взяла бумажку с номером. Он был записан на обрывке – с неровными краями сверху и снизу – сероватой бумаги красными цифрами, имени или фамилии под номером не значилось. Это было на грани фола, словно собаке бросили кость в грязную лужу: вроде и подкормили, но с явным пренебрежением.

Инна Владимировна встречалась со всякими проявлениями недовольства, поэтому, несколько раздраженно скомкав бумажку с номером, выбросила ее в мусорку. Потом она постаралась выбросить посетителя из головы и принялась за текущую работу.

По окончании рабочего дня Инна Владимировна, посмотрев на себя в зеркало, что-то поправила в своем лице, хотя оно было таким же, как и утром, красиво-холодным, затем заперла дверь кабинета и энергично сбежала по лестнице, вышла на автостоянку и прошла к своему автомобилю. Аккуратно осмотревшись, она выехала в поток машин, и тут – закон подлости – раздался телефонный звонок. Посмотрев на экран, Инна увидела, что звонит муж, Олег. Учитывая ее занятость, они договорились «просто так» не созваниваться, Олег знал, что

через полчаса она уже будет дома – значит, что-то случилось. С кем? Не давая себе времени на продумывание всевозможных вариантов, женщина свернула в боковую улицу и припарковалась.

– Да, – произнесла она.

– Инна, – сказал Олег, – Ромка приболел.

– Что случилось, – произнесла Инна, стараясь раньше времени не свалиться в паническое настроение. С самого дня рождения Романа она, накрученная подробными, многократно повторенными рассказами своей матери о том, какими болезненными были до пяти лет Инна и ее брат Павел, готовилась к самому худшему: проявлению страшной болезни у сына, ужасной, почти смертельной. Каждый вечер, завершив домашние дела, она обращалась к высшим силам (правда, не определившись к каким) с мольбой: «Пусть все у Ромы будет хорошо». Но на удивление и самой Инны и бабушки, стращавшей ее рассказами о детских болячках, Роман рос совершенно здоровым и крепеньким ребенком, не был подвержен ни простудам, ни поносам, ни золотухе. Постепенно Инна позабыла свои моления, но болезни не накинулись и тогда на Романа. Оставались, правда, неизбежные для начавшего покорять окружающее пространство малыша ссадины, синяки и царапины.

– Температура под сорок, – произнес Олег и добавил, – доктор говорит, что лихорадка неясного происхождения, надо в больницу. Я уже вызвал «скорую-перевозку», тебя ждать?

– Нет, – сразу решила женщина, – я подъеду к самой больнице, сообщи, куда вы отправитесь.

– Ладно, – ответил супруг и выключил связь.

Инна решила никуда не двигаться до получения информации о госпитализации и задумалась. «Под сорок», – где-то совсем недавно мелькали эти слова. Но обрушившаяся в одночасье информация не позволила задействовать резервы памяти, и женщина начала просто ждать. В голову навязчиво полезли разные мысли: «Лихорадка неясного генеза… Какой-то тринадцатый век… Чума, натуральная оспа…» На ум приплыли слова: «лихоманка», страшное слово «чахотка», «лихорадка Эбола». Сколько напридумали слов, которые и произносить-то страшно. Глаза Инны стали наполняться слезами, комок неудержимо полез к горлу, норовя ухватить его когтистой лапой. Женщина крепко, зубами, сжала нижнюю губу, чтобы подавить подступающие рыдания. Она повторяла про себя: «Только держаться, только держаться, только держаться…» Время ожидания текло медленно, как полузастывший мед из трехлитровой банки, но, казалось, там, где находится сейчас сын, стрелки часов вращаются с огромной, почти космической скоростью. Инна боялась опоздать.

После повторного звонка она помчалась, насколько позволяло движение, в инфекционную больницу. Олег встретил ее в вестибюле:

– Ромку положили в бокс, сейчас берут анализы.

– Как он?

– Он без сознания, бредит. Все произошло внезапно, около двенадцати часов, ему стало плохо в школе, вызвали меня, я отвез его домой, думал, что просто перегрелся или что еще, а дома он потерял сознание, я вызвал врача, дальше – вот сюда. Не могу понять, что произошло.

Ожидание хотя бы какой-нибудь информации было непереносимым, но, наконец, в вестибюле появился седовласый врач с внимательным и острым взглядом, он подошел к Инне и Олегу.

– Пока трудно сказать что-то определенное, какая-то лихорадка, возможно, вирус, постараемся предотвратить необратимые последствия.

– Его можно увидеть, – спросили родители.

– Пока нет, – последовал ответ.

Доктор ушел. Инна опустилась на пластиковый стул, у нее не было ни сил, ни слёз, она представляла собой сгусток нервной энергии, который активно искал в какую бы щель рвануть,

но выхода не находилось. Она попыталась взять себя в руки. «Так, лихорадка… под сорок… вирус, – откуда это вспоминается?» И вдруг ее осенило: «необратимые последствия» – вот корень всего, это тот проситель-надоедала что-то тетелил в ее кабинете. Получается, что он навел порчу на их сына, это он виноват? «Я разорву его на части», – подумала женщина, встала – и тут перед глазами всплыл корявый лист с записанным на нем телефонным номером.

– Олег, никуда не уходи, жди меня здесь, – сказала она, – я мигом.

Затем она бросилась к машине и понеслась к месту своей работы.

Дежурный был весьма удивлен, увидев через входную дверь Инну Владимировну, впустил ее и проводил взглядом, когда она, забыв размеренность и неторопливость, буквально взлетела по лестнице. В кабинете Инна бросилась к урне для бумаг и выхватила лежавший сверху скомканный бумажный кусок. Развернув его, она набрала проклятый номер, ответили практически сразу, словно ждали именно этого звонка. Инна закричала в телефон:

– Николаев, что вы сделали с моим ребенком, я вас убью, вы сволочь и негодяй, – но тут сдерживаемые ранее слезы, нашедшие отдушину, начали литься неудержимо, Инна захлебнулась словами.

– Я надеюсь, что разрешение подписано?

– Так это ты? Гад, придурок, ребенка не пожалел, – слезы лились все сильнее, речь женщины стала скомканной, прерывистой, невнятной, – когда бы я писала разрешение, ты подумал, что спрашиваешь?

Прокричав в телефонную трубку несколько фраз, Инна Владимировна вдруг резко замолкла, ее охватил ужас от понимания того, что если этот тип действительно может причинять вред на расстоянии, то сейчас ее поразит инфаркт, инсульт, деменция или какая-нибудь зараза. Она крепко сжала губы и стояла с трубкой в руках, не решаясь пошевелиться.

Но в телефонной трубке лишь прозвучал спокойный холодный ответ:

– Вы, Инна Владимировна, можете успокоиться, ничего страшного не произошло…

– Как не произошло, он в больнице, в боксе, без сознания, бредит…

– Я это знаю, – прервал ее голос в телефоне, – это несущественно, главное, что вы быстро соображаете. Я ждал вашего звонка к утру, но ошибся. Вы можете ехать забирать своего мальчика, он не будет помнить о случившемся ничего и никогда. Об этом происшествии будете помнить только вы, ни врачи, ни скорая, ни ваш муж ничего помнить не будут. Сейчас в вестибюле инфекционной больницы вы объясните мужу и сыну, что у вас заболела сотрудница, вы задержались на работе, собрали ей передачу и хотите провести вечер в кафе в присутствии ваших любимых мужчин, почему и пригласили их в вестибюль инфекционной больницы. Несуразно, скажете вы, но пусть лучше будет так. Поверьте, лишних вопросов вам никто не задаст. А по пути заскочите в магазин и купите каких-нибудь фруктов, творожных сырков и сладкую булочку. Назовете фамилию Золотаревой, у вас примут передачу. Всего хорошего, – сказал голос и отключился.

Не понявшая большей части сказанного, но почему-то успокоенная жестким, хотя несколько роботизированным внушением, Инна выполнила все, что посоветовал сделать голос, в вестибюле больницы она увидела Олега и Ромку в абсолютном порядке, причем те были уверены в том, что ужин в кафе – это замечательная мамина придумка.

Пока Инна Владимировна со своими мужчинами устраивалась в кафе тот, кого она знала как Николаева, ожидал приема у директора весьма уважаемой, стабильной, имеющей замечательные отзывы клиентов строительно-дизайнерской фирмы. Сергей Сергеевич соблаговолил назначить встречу на вечернее время именно сегодня, потому что до этого целую неделю мотался по стране по делам фирмы, а завтра уже в полдень улетал с семьей на отдых за рубежи родного государства. Организации этой встречи предшествовала целая эпопея, захватившая трех заместителей Сергея Сергеевича, главного бухгалтера и множество мелкого и среднего персонала фирмы. Проситель выдвигал невиданное предложение о проведении стро-

ительно-отделочных работ в долг, мотивируя тем, что он честный, порядочный, ответственный человек, что строение, которое предстоит несколько видоизменить, это не живые деньги, а недвижимость, что можно забрать фирме, если что пойдет не так; но не так ничего не пойдет, с первых полученных им за свою уникальную (так он настаивал) деятельность сумм долг будет полностью погашен, к этому он обещал двадцать пять процентов добавки за «душевное отношение» (это точные слова просителя). За три дня его стали узнавать издали, он, несмотря на отказы подчиненных, решил дождаться хозяина-директора и окончательно переговорить с ним.

Таким образом, когда Сергей Сергеевич вернулся из служебной командировки и вошел в свой кабинет, туда ввалилась группа ответственных сотрудников и, сначала несколько сумбурно, затем все четче и четче, начала докладывать не о делах, а именно о странном просителе, который всех… замучил, затретировал и от которого спасу нет, почти слезно умоляя начальника принять этого посетителя, дабы избавить персонал от зануды и надоедалы, а, может быть, и психического. Сергей Сергеевич внял мольбам своих подчиненных и назначил встречу на вечер перед уходом в законный отпуск, хотя отлично помнил положение стандартного договора: «Подготовительные мероприятия и начальные работы начинаются только после поступления предварительной оплаты на счет фирмы и проводятся строго в объеме авансирования…» – никаких отступлений или исключений предусмотрено не было. Тем не менее, ему самолично захотелось посмотреть на настойчивого просителя.

В назначенное время встреча состоялась. Сергей Сергеевич, посмотрев на невзрачного средних лет гражданина с малозапоминающимися чертами лица, с обильной сединой в волосах, сразу перешел к делу, объявив:

– Вашу просьбу никак нельзя исполнить, потому что без предварительной оплаты, для исключения разного рода неприятных моментов, никогда никаких работ наша организация не выполняет и не собирается выполнять. Найдите деньги – никаких вопросов не возникнет.

– Уважаемый Сергей Сергеевич, – тут же отозвался посетитель, – заверяю вас, что ваша фирма не только не пострадает, но и получит дополнительные, сверх договора, средства в размере, скажем, пятидесяти процентов, но только после начала работы моей… структуры. Я приступаю к очень важной работе и, надо отметить, очень дорогой, работе, в которой нуждаются все живые люди вне зависимости от своего положения в иерархии этого мира. Я выбрал вашу фирму из-за очень хорошей репутации, помогите мне, пожалуйста, вы никогда об этом не пожалеете.

– Знаете, мне на ум пришло очень важное занятие, в котором нуждаются все живые люди. Это работа сантехнической службы, но, насколько я понимаю, вы имеете в виду не это?

– Нет, нет, – заявил посетитель и, понизив голос, произнес, – это исцеление всех возможных недугов, нарушений здоровья, травм и прочих неприятных вещей, ухудшающих качество жизни.

Ожидая на такое заявление положительной реакции, невыразительный человек промахнулся; Сергей Сергеевич, в силу семейной проблемы, прошел и ведущие клиники многих стран мира, и академиков, и экстрасенсов, и называемых в народе колдунами – и во всех разочаровался: ему помочь не обещал никто, причем, ни за какие деньги. Поэтому слова просителя вызвали некоторый гнев у Сергея Сергеевича, и он приготовился достойно и резко ответить этому шарлатану (сомнений, что это шарлатан, у директора не было), но не успел. Дверь кабинет распахнулась, в него влетела девчушка лет пяти, пробежавшая мимо стоящего посетителя и сразу взгромоздившаяся на колени Сергея Сергеевича, при этом она бойко затараторила:

– Папа, ты обещал быстро, мы тебя ждали, ждали, а тебя нету и нету.

–Санюшка, я уже почти освободился. Дашь мне одну малюсенькую минуточку?

– Только самую малюлюсенькую, – улыбнулась девочка, а посетитель мгновенно уловил и великую любовь большого человека (Сергея Сергеевича) к маленькому существу, сидящему

на его коленях, и всепоглощающую заботу отца о своей дочурке, и неизбывную, постоянную печаль по поводу ее настоящего состояния.

Дело было в том, что если левая сторона лица ребенка была чистой и розовой, как и полагается детям, то правая была обезображена огромным родимым пятном, захватившим всю кожу на лице, ухе, сползавшей грубой накидкой на шею и плечо девочки.

Посетитель мгновенно среагировал на увиденное и быстро сказал:

– Я могу продемонстрировать свои умения на вашем ребенке, убрав это… А вы поможете мне не влезать в ненужные долги…

И снова Сергей Сергеевич не успел ответить, в раскрывшуюся дверь вошла высокая молодая дама, а девчушка-Санюшка, соскочив с коленей отца, бросилась ей навстречу и быстро заговорила:

– Мама-мама-мама, папа сказал, что выйдет через малюсенькую минуточку, вот такую,– она показала маме кончик мизинца.

Мать улыбнулась дочке, а директор, встав с кресла, произнес:

– Лиза, подождите еще чуть-чуть, я скоро.

Его теперь мягкий голос резко разнился с тем, которым он говорил с просителем, женщина еще раз улыбнулась и вместе с дочерью вышла из кабинета.

Едва за ними закрылась дверь, лицо директора окаменело, и он, постепенно повышая громкость, начал говорить:

– Это не ваше дело, гражданин хороший. Вы кто? Похоже, никто. Этому пятну ничто не может помочь в современном мире, тем более шарлатан…

– Я не шарла…, – заикнулся было проситель, но директор не слушал его.

– … который никому не известен. Я прошел академиков, лучшие клиники, предлагал огромные деньги, никто в современном мире не дает никаких гарантий, – и, видя, что посетитель пытается что-то сказать, громогласно завершил, – убирайтесь отсюда и никогда не показывайтесь в моей фирме, иначе я найду способ упечь вас в психушку, хотя бы на время судебного разбирательства. Я все сказал. Вон!

– Зачем вы так, – негромко и печально произнес незнакомец и, резко развернувшись, покинул кабинет разгневанного директора.

Инна Владимировна плохо спала в эту ночь: перед ее глазами стояло какое-то размытое лицо негодяя-просителя, которому она прочила то все кары небесные за пережитое и животный ужас за своего Ромку, то, напротив, желала всяких благ, потому что он пугал в основном-то ее, а мальчику, принципиально, не причинил никакого вреда: он ничего не помнил, никаких последствий лихорадки не наблюдалось, он с аппетитом съел ужин, был весел и, по обыкновению, весьма говорлив. Под утро она забылась коротким, но весьма кошмарным сном. Ей снилось, что она летит голой с распущенными волосами, сидя на метле, через какой-то клубящийся черный туман, а за ней гонится дракон с невыразительным лицом, похожим на лицо просителя-негодяя, и периодически изрыгает языки пламени. Они обжигают кожу на спине Инны, она сморщивается, грубеет, но к следующему изрыганию полностью восстанавливает свою эластичную структуру. Внезапно один из языков пламени охватил все ее тело, она потеряла скорость, перевернулась вниз головой и начала с ускорением падать в некое черно-малиновое бездонье. Пробуждение стало избавлением. Тяжело дыша, покрытая каплями пота, с ощущением сердцебиения, Инна села в кровати, рядом сладко посапывал, ничего не подозревавший и полностью забывший вчерашний день, Олег. На часах было пять часов утра. Инна решила пройти на кухню и порадовать своих ненаглядных вкусным завтраком. Она накинула халат и тихонько проскользнула на кухню, села на табурет. И тут все силы, которые держали ее в напряжении последние часы, внезапно исчезли, и Инна горько навзрыд заплакала. Слезы унесли напряжение и разбитость, приступ рыданий быстро прекратился, и Инна стала самой собой, почти такой же, как и всегда. Приготовив завтрак, она привела себя в должный вид,

оставила записку своим мужчинам и вышла из дома. В половине восьмого утра она уже была в своем кабинете и, прежде всего, занялась оформлением разрешения для просителя-посетителя. В девять утра тот появился в кабинете; Инна Владимировна, сгорая от нетерпения закончить эпопею с клиентом, машинально поздоровалась и протянула ему оформленную бумагу. Проситель, заметив состояние начальницы отдела, поблагодарил ее и вышел в приемную. Инна, стоя за столом, хотела было спросить его о чем-то важном, но, оглядевшись по сторонам, просто села в рабочее кресло. Как только посетитель шагнул за порог, она напрочь забыла все перипетии вчерашнего дня, свои волнения и переживания, и самого просителя, и переданную ему бумагу. Словно и не было этого ничего.

А виновник всех событий в жизни семьи Инны Владимировны вышел из административного здания.

Проблема ремонта арендованного помещения не разрешилась в спокойной и адекватной форме, надо было искать кредит. Куда податься? На соседней улице проситель встречал здание какого-то «Банковского заведения» и решил попытать счастья в этом месте.

Попасть к начальнику, который, в конечном итоге, и решал все вопросы с кредитованием в «Банковском заведении», оказалось очень просто, что не могло не насторожить даже такого несведущего человека, как проситель. Однако, доброжелательное, почти родственное (в хорошем понимании этого слова) отношение сотрудников, открытое, приветливое лицо начальника и его крепкое рукопожатие сделали свое дело – клиент поверил в удачу. Но, когда речь пошла о кредите, ощущение, что «это я удачно зашел», начало блекнуть, потому что банки и ростовщики не верят словам, они требуют нечто весьма материальное, ибо это вещественное, при определенных обстоятельствах, можно изъять в свою пользу. Проще говоря, нужно было реальное подтверждение платежеспособности клиента, ибо в бездонную бочку кидать денежные бумажки никто не собирался. У просителя не было никаких вещественных доказательств того, что кредит будет когда-либо выплачен. Клиент имел только паспорт и собственное тело, которое и заложить было невозможно.

Василий Васильевич Инаков, недавно назначенный на должность директора «Банковского заведения», постарался донести свою мысль до просителя. Внимательно и даже как-то задумчиво выслушав последнего, он произнес:

– При всей моей уверенности в том, что вы – это вы и есть, при всем моем благожелательном к вам отношении, при всей моей вере в то, что вы – простите, – порядочный, ответственный, честный человек – это не может служить достаточным доказательством, что так все и обстоит на самом деле. Вы же отлично сознаете, что мы живем в жестком реальном мире, где ценятся, прежде всего, материальные предметы, а уж в финансовой сфере и подавно. Банки потому и стоят прочно, что могут давать в долг и потом эти долги возвращать с явной прибылью. Приведите хотя бы одно веское доказательство – я самолично прикажу тут же выдать вам кредит.

– С вещественными доказательствами у меня слабовато, проще говоря – совсем никак. Но у меня есть честное слово, есть реальная возможность заработать достаточно средств, чтобы расплатиться со всеми, кто поверит этому честному слову. А, впрочем, позвольте задать вопрос личного характера.

– К сожалению или к счастью времена рыцарского честного слова канули в Лету, теперь даже между близкими людьми существуют всякого рода расписки о получении денег. А вопрос задавайте.

– Как давно у вас с рукой?!

Василий Васильевич улыбнулся формулировке вопроса: не «что у вас с кистью», не «где вас так угораздило», а нейтрально о времени данной ситуации. Он уж давно привык к тому, что кисть его левой руки жизнеспособна, но не активна.

Все произошло в далеком шестилетнем возрасте, когда маленький Васек, скатившись со снежной горки, резко свернул в сторону от проторенного пути и напоролся на острый штырь скрытой снегом арматуры, раздробившей кости, порвавшей мышцы и нервы. Спасти кисть удалось, но функцию восстановить – нет. Теперь это была просто декоративная часть тела в виде сухого, почти детского, полусогнутого кулачка. С этим ему пришлось жить после шестилетия. Увечье приучило его за прошедшие годы и к любопытству людей, и к их склонности задавать вопросы, и к терпимости. Поэтому Василий Васильевич ответил просто:

– Зимой исполнится тридцать лет.

– Давно, – произнес незнакомец. – Должен вас покинуть. Завтра я зайду с утра, если вы позволите, возможно, я представлю вам доказательство своей платежеспособности.

Он встал, пожал протянутую руку директора банка и ушел.

Василий Васильевич подумал о том, что проситель больше не вернется, что он из тех субъектов, которые разводят богатеньких «Буратин», но все поведение просителя, его разговор, его манеры указывали и на то, что он может принадлежать к вымершему сословию рыцарей чести, рыцарей без страха и упрека. Делать, правда, в нашем мире им уже давно нечего.

Окончание рабочего дня для Инакова прошло безо всяких происшествий, он спокойно вернулся в холостяцкую квартиру, по привычке приготовил ужин, затем часа три просидел в глобальной сети и, около половины двенадцатого лег спать. Сон его был крепок и спокоен, ничто не предвещало никаких неожиданностей.

За минуту до звонка будильника Василий Васильевич Инаков проснулся в своей кровати, в своей квартире. Сбросив одеяло, он сел на кровати, готовясь встать, и ощутил некоторую неловкость в левой руке. Опустив взор, он пораженно уставился на то, чего не могло быть никогда: вместо сморщенного детского кулачка на месте левой кисти был обычная, очень похожая на правую и с таким же загаром, рука. Жар полыхнул в лицо директора банка, сердце так бешено заколотилось, что Василий вынужден был прижать правую руку к груди для успокоения давшего о себе знать мотора. Человек поднес левую руку ближе к глазам, рассмотрел сверху, снизу и с боков, убедился, что это не сон, что рука, утраченная в детстве, принадлежит именно ему – и все понял. Поэтому он наскоро позавтракал и помчался в банк.

Когда Инакову доложили о приходе посетителя, он был во всеоружии. Поздоровавшись с гостем, директор без всяких проволочек, самолично, усадив клиента за стол и приказав секретарю снабдить посетителя чаем, кофе и специально заказываемыми для особых клиентов коржиками, отправился оформлять документы. Через полчаса он вернулся с пластиковой кредитной карточкой и, улыбаясь, вручил ее просителю:

– Здесь вся заказанная вами сумма. Погашение кредита в первые три месяца не должно вас волновать, это все в моей власти, а там посмотрим.

Посетитель встал, наклонил голову в знак понимания и произнес:

– Спасибо. Разрешите личный вопрос?

– Спрашивайте.

– Скажите, за предъявленное вам доказательство готовы вы заплатить миллион рублей?

– Без вопросов, – было ответом.

– Тогда я откланиваюсь, надеюсь, что раньше, чем истекут три месяца, вы забудете о назойливом просителе.

Когда за клиентом закрылась дверь, Инаков сел за стол и подумал: «Вряд ли я забуду подарок, который всегда со мной».

Тем временем проситель-посетитель, имея на руках деньги, отправился не к Сергею Сергеевичу в строительный комбинат, памятуя о выдворении его вон, а в небольшую строительную контору «Стройпригор», с начальником которого, Игнатом Бородиновичем Чаевым, он предварительно договорился и даже вчера успел с ним вместе съездить к месту предполагаемых работ. Организация, которую возглавлял Чаев, была небольшой, но ответственной по отноше-

нию к заказчикам, в ней работали мастера своего дела, трудовые люди, которые всего лишь требовали за свою работу достойную плату, не задирая цены выше высокого потолка. Когда проситель все объяснил Игнату Бородиновичу: что ему хотелось бы сделать в старом ангаре, чем он будет заниматься, – тот все понял, только предупредил, что верит честному слову просителя, но отсрочки более двух недель допустить не может: грех обижать и злить работающих людей. Сразу же были направлены к ангару несколько человек для определения объема работ, составления четкого плана их проведения, уточнения окончательной стоимости заказа. Надо заметить, что задержек оплаты работ в организации Чаева не бывало, может, потому, что сам вид руководителя, плотного и коренастого, сильного и широкоплечего, как мощный матерый дуб, внушал почтение. Лицо у Чаева было широким и некрасивым, словно вырезанным из того самого дуба, но улыбка часто озаряла это лицо, глаза светились внутренним светом и такой веселостью, что было понятно, что Игнат Бородинович не просто добрый, но, скорее всего, и смешливый человек. Правда, проситель этого не проверял.

Итак, после получения кредитных денег проситель отправился к Чаеву, перечислил на счет организации необходимый аванс, и работа по реорганизации арендованного ангара началась.

Глава 2

За широким офисным столом в большом кабинете сидел довольно молодой человек в состоянии то ли глубокой задумчивости, то ли прострации. Тому была весьма веская причина.

Павел Петрович Баздырев слыл удачливым человеком. По самым общим подсчетам, по мнению людей, знавших его, у него было все: интересная работа, которая вылилась в успешный строительно-дизайнерский бизнес, который он и возглавлял, солидные (не мелочь в кармане) деньги, позволявшие ни в чем не отказывать и ему, и его семейству, и его многочисленным родичам, квартиры, дома, машины, но, самое главное, чем он особенно дорожил – это его семья и его несокрушимое здоровье. Повторимся, у него было все… до сегодняшнего дня.

Он родился в столице, учился в столице, окончил строительный институт. Начав работать в фирме любимой (действительно любимой – это не фигура речи) единственной тетушки, как единственный наследник после ее внезапной смерти унаследовал фирму и возглавлял ее уже десять лет, существенно реорганизовав и расширив. Правду сказать, Павел был трудоголиком: его интересы ограничивались работой без перерыва и семьей. Он не охоч был до шумных пикников, охоты, рыбалки, широких банных упражнений, не любил и путешествий. Бывают такие люди. Женился он по большой (как он считал, взаимной) любви, и прижили они двух деток-погодков, Юлечку и Петрушку – так они их величали в семье. Теперь Юле было двенадцать, а Петру одиннадцать лет. Жена Павла, Алина, работала в школе учителем иностранных языков, благодаря ее стараниям дети прилично говорили на русском, английском и французском.

Жили они в большом, построенном по проекту самого Баздырева, загородном доме, завтракали и ужинали всенепременно дома, а обеды получались по-разному: Алина – в стенах колледжа, дети – дома, а Павел забегал в приличную столовую, к которой привык со студенческих времен. Он не любил изысков, сверкающих золотом и серебром столовых приборов, ресторанных ожиданий, – он был неприхотлив. Хотя денежки у него водились и, надо сказать, деньги немалые. В доме у Баздыревых жили и работали помощники по хозяйству. Ни сам Павел, ни Алина никогда не называли этих работников прислугой-обслугой. Относились к ним по-доброму и с участием. Бывают такие отношения, бывают. Во всяком случае, должны бывать.

Так и проходили дни. Дети радовали успехами в школе, своей жизнерадостностью и открытостью, любовь меж родителями если и утишилась, то ненамного, здоровье не подводило, и, естественным образом казалось, что так будет всегда. Но без подводных камней течение жизни невозможно.

Сегодня рано утром, проснувшись, Павел Петрович ощутил испарину на теле и некоторую слабость во всем своем существе. Сделав обязательную зарядку, но как-то без особой охоты и старания, чего никогда не было, он вышел к завтраку – и его чуть не стошнило: запах еды был просто отвратителен. Между тем дети с удовольствием завтракали, болтая о своих делах. Алина, увидев замершего Павла, спросила:

– Что с тобой?

– Да как-то не по себе, может вирус какой или съел не то.

– Нет, милый, ты в этой столовой лет двадцать, и никогда ничего не было. Может, конечно, и вирус, но лучше тебе показаться к доктору. Да, так будет лучше всего.

– Ты же знаешь, что я не люблю этого.

– И я не хочу, чтобы ты болел, но надо проверить себя, ты не имеешь права рисковать. Тем более, что такое у тебя впервые в жизни.

– Хорошо, по пути заскочу к Филиппу.

– Сделай это ради нас.

Павел вымученно улыбнулся и, обняв жену, проговорил:

– Ради вас я готов на все.

Таким образом, выпил только стакан сладкого чая, Баздырев отправился на работу, чувствуя, что слабость немного отступила, но не до конца, где-то она притаилась и затихла.

Как всякий здоровый человек, Павел Петрович в известной степени был напуган внезапным ощущением нездоровья и потому сразу отправился к знакомому по студенческим временам Филиппу Пивоварову. В свое время тот, проучившись на одном курсе с Павлом полтора года, бросил строительную сферу и стал врачом-гастроэнтерологом. «Как раз я, наверное, по его профилю», – подумал Павел Петрович.

Филипп оказался на работе. Увидев старого знакомого с удрученным выражением на лице, он спросил:

– Что случилось?

Павел обрисовал утреннюю ситуацию, Филипп задал несколько уточняющих вопросов и заметил:

– Сразу ничего и не скажешь. Пойдем по стандартному пути, приляг-ка на кушетку.

Как водится, доктор попросил показать язык, а затем начал ощупывать живот пациента, спрашивая периодически: «Болит, не болит, а здесь?» После осмотра Филипп предложил Павлу Петровичу пройти с ним в кабинет УЗИ. Там их встретила невысокая молодая красивая женщина с мелкими чертами лица, острым носиком и быстрыми сверкающими глазами.

– Мариночка Петровна, пожалуйста, сделай по срочному брюшную полость моему старому другу, – обратился к ней Филипп.

Женщина, блеснув глазами, посмотрела на Павла и произнесла:

– Располагайтесь, пожалуйста, – и указала на кушетку.

Одновременно она обменялась с Филиппом каким-то многозначительным, как показалось Павлу Петровичу, взглядом, но он списал это на свою мнительность, так некстати проявившуюся. Исследование действительно оказалось быстрым, и скоро Павел стоял в коридоре, ожидая Филиппа, задержавшегося с доктором диагностического кабинета.

Когда Филипп вышел, держа в руках записи и снимки, лицо его показалось Павлу несколько помрачневшим, и он решил спросить:

– И что ты мне скажешь?

Филипп откликнулся сразу:

– Пока ничего. Паша, давай сделаем МРТ, а там будем рассуждать.

Они спустились на этаж ниже, и в кабинете с громоздким прибором, в который задвинули Баздырева, было проведено еще одно исследование, выдавшее на-гора кучу фотоснимков. Все их забрал Филипп и снова повел Павла за собой на третий этаж, где они немного задержались у двери с надписью «Профессор Стеньков Д.А.»; Филипп заглянул в кабинет, получил разрешение войти, а Павел Петрович остался ждать. Через три минуты был приглашен в кабинет и он. Щупленький профессор, старичок лет семидесяти, с густой, но совершенно белой гривой волос, предложил Павлу сесть в кресло, а Филиппу сказал:

– Я думаю, Филипп Николаевич, проще, если мы будем тет-а-тет.

Филипп вышел из кабинета.

И только тут Павла Петровича охватил холодный, липкий, тянущий душу страх. Он начинался где-то в середине живота и растекался, как расправляющий щупальца спрут, в разные стороны, охватывая части тела холодом, дрожью, рождая в этих местах своих маленьких спрутов, которые тоже начинали расправлять свои конечности. Павел понял, что произошло неимоверно страшное, и теперь не знал, хочет ли он знать, что с ним происходит или же нет.

Между тем профессор начал разговор:

– На мою долю выпадают те сложные моменты, когда специалисты психологически не могут, или не умеют, говорить пациенту, как все обстоит на самом деле. Прежде всего, я спрошу: «Хотите вы услышать все, как оно есть на самом деле?»

Павел, подавляя разбушевавшийся страх, собрав волю и эмоции в один монолитный конгломерат, ответил:

– Говорите, профессор, я готов.

– К правде, конечно, никто никогда не готов, но вы деловой человек, следовательно, у вас свой менталитет, отличающийся от образа мыслей простого человека. Поэтому буду говорить прямо: никакая современная медицинская практика не может помочь в вашем случае, у вас развивается тотальное поражение печени, развивается стремительно. Обычно деловые люди спрашивают, сколько им осталось, дабы привести дела в порядок.

– И… сколько мне… осталось?

– У вас в запасе не более полутора месяцев относительно активной жизни.

– А потом?

– Потом, к сожалению, не наступит никогда.

Ошеломленный, ошарашенный, раздавленный, как червяк на мокром асфальте, Павел Петрович не помнил, как вышел из кабинета профессора, как его взял за руку и как дошкольника привел в свой кабинет Филипп, очнулся он, лишь когда тот позвал:

– Паша!

Баздырев, непонимающе поглядев на приятеля юных лет, тщательно подбирая слова, произнес:

– Ни… хрена себе… за… хлебушком сходил, – улыбнуться уже не получилось. – Поеду я, Филипп Николаевич.

– Ты сам за рулем? Лучше вызовем такси или твоего водителя, в таком состоянии за руль лучше…

– Я в порядке, почти в порядке, я все понял, но до конца не осознал, а до момента осознания я успею доехать, куда мне надо.

– Паша! Не делай крайних решений.

– Нет, ты не понял, у меня семья, жена, дети, бизнес, – я буду держаться до самого конца.

Он встал и медленно направился к двери.

– Тебе лучше домой, – воззвал Филипп.

– Да, – ответил Павел и закрыл за собой дверь, выходя в коридор.

Нет, он не поехал домой, это было выше его теперешних сил. Просидев в машине около часа, бездумно глядя через лобовое стекло, Павел Петрович, как бы вспомнив, как заводится этот агрегат, как им управляют, куда надо ехать, включил зажигание и направился в сторону офиса.

И теперь он третий час сидел за рабочим столом бездумно, неподвижно. Но в голове стучали мысли, пытаясь пробиться к выходу, найти слабое место, пробиться к воле. Так пойманная в поле птичка, до этого свободная и по-своему счастливая, очутившись в запертой клетке, начинает биться о прутья, пытаясь любым способом вырваться из плена; пусть с разбитым в кровь клювом, пусть с переломанными измочаленными крыльями, но – на свободу. И не понимает глупенькая маленькая птичка, что замок клетки заперт, что прутья крепки, что выхода нет и не будет. Иное дело, мысль человека, она эфемерна и имеет свойство стабилизироваться, упорядочиваться, приобретать логичность и последовательность.

Стряхнув оцепенение, Павел Петрович Баздырев попробовал взять себя в руки и размышлять последовательно и логично. В какой-то мере ему это удалось.

Итак. Жизнь его неудержимо и стремительно подходит к концу. Он совершенно не думал, что профессор мог в этом ошибиться. Значит надо в спешном порядке приводить в порядок дела, которые требуют этого порядка. Главное – семья. У Павла Петровича слезы подступили к глазам: он не увидит роста и взросления своих малышей, он не будет стариться вместе со своей самой- самой женщиной, он оставляет их совсем молодым, – это было неправильно, несправедливо, жестоко. Он вспомнил первую встречу с Алиной: на даче тетушки он откры-

вает калитку, а перед ним стоит Алина, вся такая-такая, что нет никаких слов. Она пришла проведать тетю Павла, которая почему-то не предупредила его, что может быть гостья, а он вышел в виде «шорты-голый торс», впрочем, девушка этим не была шокирована, потому что было лето, было солнце и, как потом Павел и Алина часто вспоминали, было счастье.

Павел Петрович вспомнил своих новорожденных малышей, сначала Юленьку, а вскорости и Петрушку. Какие они были маленькие беспомощные, какая нежная кожа, тоненькие-тоненькие волосики, крохотулечки-пальчики и розовые пяточки. Они почти не плакали – во всяком случае, Павлу это не запомнилось, – только немного поныли, когда начали прорезаться зубки. У него замечательная семья, самая замечательная на свете – Павел стиснул зубы, – он должен хранить любимых людей до конца жизни. Он не будет разливать слезы, жалея самого себя, ему надо четко составить план действий, их правильную последовательность.

Баздырев принял решение: прежде всего, надо убраться подальше от дома, чтобы все обдумать, ибо близость семьи будет тянуть его неотвратимо к себе, все думки будут только о ней. Подумав так, он вызвал начальника охраны и объявил:

– Я должен уехать из города.

– Куда едем Павел Петрович?

– К третьему филиалу.

–Сейчас все организую.

Теперь надо было позвонить домой. Алина ответила сразу:

–Пашуля-папуля, наверное, ты задерживаешься? – как на воду глядя, спросила она.

– Лисенок, меня сегодня не ждите, срочно съезжу в третий филиал, приеду завтра.

Такие ситуации, хоть и очень нечасто, но возникали, голос Павла был ровным и спокойным, поэтому Алина ничего критического не заподозрила, а просто спросила:

– Что сказал Филипп?

– Назвал это легкой дисфункцией, ничего страшного.

– Ладно. Детей позвать?

– Само собой, – активно, насколько мог, проговорил Павел Петрович.

Дети подошли сразу. Павел Петрович объяснил необходимость поездки неотложными делами и попросил их быть послушными и слушаться маму, на что ему ответили.

– Папа, мы уже большие, не будь взрослым занудой.

– Но я ведь взрослый! – воскликнул Павел Петрович, на что Юля пропела в трубку:

– Тем более-е, – а Петя добавил, – удачного пути.

Через час, в восемнадцать часов две машины летели из города в сторону третьего филиала фирмы. Впереди – машина охраны, за ней машина, где находился сам Баздырев, начальник его охраны и, естественно, водитель. Они ехали долго в полном молчании, начальник охраны был внимательным человеком и видел, что с руководителем что-то не так, что его гложет какая-то мысль, поэтому молчал. Водитель же внимательно следил за дорогой.

Когда в начале двенадцатого ночи они въехали в городок, где располагался их филиал, Павел Петрович сказал:

– Давай искать гостиницу.

Начальник охраны не стал протестовать, и вскоре шесть человек приезжих вселились в небольшую, но уютную гостиницу на окраине города. Заняв свою комнату, Павел Петрович не лег спать, как он посоветовал сделать сопровождавшим его, а сел за стол, достал записную книжку и, сосредоточившись, начал планировать свою оставшуюся жизнь.

Ночь постепенно окутывала городок, на небо высыпали первые звезды, их россыпь увеличивалась с каждой пролетающей минутой, они смотрели вниз величественно и даже надменно, но сразу померкли, когда на небо неторопливо выплыла толстенькая Луна и начала свой вековечный путь, оглядывая порядок во вверенном ей пространстве.

К двум часам ночи план на полтора последних месяца жизни был составлен, делать здесь было больше нечего, и Баздырев решил возвращаться обратно. Он послал сообщение начальнику охраны, и через полчаса две машины направились в обратный путь. Через два часа от начала поездки Павел обратился к водителю:

– Витя, помнишь, мы как-то проезжали мимо старого строительного склада-ангара? Он должен быть справа от нас.

– Помню, Павел Петрович, до него еще минут сорок.

– Давай заедем, хочу посмотреть на него вблизи, скоро уже рассветет.

Дальше опять ехали молча. Действительно минут через сорок-пятьдесят они уже съезжали к ангару, который был вполне четко виден на фоне наступающего утра.

Выйдя из машины, Баздырев сразу заметил в правой стороне ангара новые раздвижные двери и понял, что кто-то уже облюбовал ангар для своих нужд, о чем и поведал начальнику охраны. Тот подошел к дверям, внимательно осмотрел их и, вернувшись к Павлу, сказал:

– Двери-то новые, а вот следов ни туда, ни оттуда не видно. Может только ремонт закончили? Не успели еще въехать?

Но в это самое мгновение над новой дверью полыхнула красным рекламная надпись: «АБСОЛЮТНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ. ОЧЕНЬ ДОРОГО, КРОМЕ ИСКЛЮЧЕНИЙ. ЕЖЕДНЕВНО. 5:00 – 6:00».

Стояночная площадка перед зданием ярко осветилась, автоматические двери призывно распахнулись, открывая пространство входного тамбура, и раздалось громогласное Мирей Матье «Pardonne-moi ce caprice d'enfant».

Нервы Павла Петровича от сочетания света и звука дрогнули, сдерживаемое напряжение рванулось наружу в виде дикого, совсем не присущего прежнему Павлу Петровичу, желания наподдать этому жулику, сидящему в старом строительном ангаре. Почему жулику? Почему сразу шарлатану? Да просто потому, что предлагаемое абсолютно, и это – действительно абсолютно— не могло быть правдой.

Он резко развернулся от машины и прошел в открывшиеся двери.

Павел вошел в ярко освещенное большое помещение, на вид совершенно пустое, только немного сбоку от входа стоял обычный стол, за столом сидел человек весьма невзрачного вида с седыми волосами и какими-то уплывающими от взора чертами лица. Этот незнакомец предложил:

– Садитесь, – и добавил, – доброе утро.

Павел Петрович подошел ближе к столу, но садиться не стал. Его несколько ошарашил и вид помещения и вид незнакомца в кресле за столом, гнев его сам собой испарился, и Баздырев как-то неловко проговорил:

– Я это… Мне бы…

Тут он понял, что у него нет никаких слов. При взгляде на простоту убранства помещения, седую голову незнакомца у него вдруг в груди начала вырастать надежда на правдивость слов рекламной надписи. Это было так нежданно, что Павел потерял дар речи. Молчание прервал незнакомец:

– Избавление от вашей болезни будет стоить сто миллионов.

– Вы знаете мою болезнь? Но откуда?

– Это совершенно неважно, вам нужно только сказать: «Я согласен», – и можно приступать.

– Но… такая… сумма… И какие гарантии, – вспомнил Баздырев слово из множества подписанных договоров.

–О, у вас будет целых две недели на апробацию, так сказать, вашего тела. Потом вы либо оплатите счет, либо восстановится status quo ante bellum.

– Я согласен, – произнес Павел Петрович, и тут же препровожден был за ширму, перекрывавшую значительную часть помещения. За ширмой располагался полукругом ряд кресел, похожих на автобусные, самолетные или стоматологические, в них можно было удобно лежать. Целитель предложил Павлу занять любое, и, когда тот расположился в кресле, произнес: «Спать!»

Но Павел смог расслышать только «Спа…» и провалился в сон.

Открыв глаза, он, вспомнив, где находится, обратил взор к выходной двери, которую приметил, когда вошел в отгороженный отсек. Над дверью так и было написано «Выход», а выше этой надписи располагались большие электронные часы, на них было пять часов тридцать пять минут. Прошло менее получаса. Баздырев сел в кресле и прислушался к собственным ощущениям, Вроде все было как обычно, он не чувствовал слабости, неприятной тяжести в животе, которая появилась в гостинице, он счел это элементом самовнушения. В любом случае эффект получасового сна следует проверить и, если все было обманом, разобраться с лекарем по-свойски. Павел Петрович колебался недолго, он встал с кресла и вышел в выходную дверь. Выйдя на площадку перед зданием, он увидел спокойно дожидавшуюся его команду сопровождения. Значит, прошло действительно полчаса, раз ребята не волновались. Подойдя к машинам, Павел Петрович скомандовал:

– Едем к Пивоварову.

Филипп Пивоваров оказался на месте и был свободен, хотя и несколько удивлен повторным скорым появлением пациента после разговора с профессором.

Павел Петрович начал разговор без долгих прелюдий:

– Понимаешь, в чем дело, Филипп? Сегодня утром я прошел курс лечения и чувствую себя очень хорошо. Я хочу, чтобы ты подтвердил мое излечение.

Филипп Николаевич недоуменно посмотрел на Баздырева:

– Паша, но ведь только вчера…

– Я тебе говорю, что сегодня утром прошел излечение, и хочу, чтобы ты это подтвердил или отверг, как самовнушение или гипноз.

– К сожалению, я не знаю о таких стремительных излечениях, но раз ты настаиваешь, – пошли на УЗИ и МРТ.

Марина Петровна с удивлением посмотрела на вновь появившуюся пару и, когда Филипп попросил повторно провести исследование, только пожала плечами, но исследование выполнила. Удивлению ее не было предела, когда печень пациента, еще вчера не имевшая живого места, имела абсолютно нормальный характер, никаких увеличенных лимфатических узлов тоже сегодня не наблюдалось. Марина Петровна повернулась к Филиппу Николаевичу, также ошарашенному результатом:

– Филипп, ты водишь ко мне близнецов, – вполне утвердительно сказала она.

– Нет, – ответил Филипп, – это тот самый вчерашний пациент, который утверждает, что удивительным образом исцелился не далее, как сегодня утром.

– Но этого не может быть, – только и произнесла растерянная Марина Петровна.

Эту же фразу повторил и профессор, к которому Филипп снова привел Павла Петровича. Медицинское светило принялось расспрашивать пациента о методах лечения, на что тот мог ответить, что он все проспал, поэтому рассказать ничего не может. Профессора это несколько огорчило, но, узнав у Баздырева адрес новоявленной лечебницы и заверив пациента, что никаких следов болезни не осталось (чего не может быть никогда, повторил профессор), он отпустил Баздырева восвояси, порекомендовав через пару недель еще разок провериться.

Павел Петрович, ощущая силу и здоровье во всем теле, вышел из медицинского здания и с удовольствием втянул теплый воздух улицы. Он утвердился в том, что лекарь не обманул его, что теперь перед ним раскрылась вновь жизнь, хотя и конечная, но без столь четко, как вчера,

очерченной даты ухода. Теперь он мог ехать спокойно домой, к семье. А сто миллионов? Что ж, он еще много может успеть заработать, главное – не пропустить срок платежа.

Но среди мыслей о том, как он вернется домой, как обо всем расскажет, мягко, чтобы не напугать, жене, как будет жить еще долго и счастливо, вдруг выползла какая- то несуразная и вздорная мысль о Петре Павловиче Бородине.

Глава 3

Петр Павлович Бородин, как и Павел Петрович, был строительным боссом. Они, вроде бы, являлись конкурентами, но не были ими, потому что старались выбирать разные «пастбища». Так сложилась их история, что оба этих человека старались избегать друг друга, но не потому, что ощущали враждебность или, более того, ненависть друг к другу. Нет, они испытывали некое неприятие друг друга, заложенное где-то внутри их личностей, может быть даже на генетическом уровне, чувство непонятное каждому из них и непреодолимое. Они знали друг друга с детского сада, жили некоторое время, будучи детьми, в одном дворе, учились в одном институте, но никогда лично не дружили и старались избегать всякого общения.

В каждом человеке заложено интуитивное определение отношения к людям, с которыми он встречается, это первичное чувство возникает при первом контакте с другим человеком, разрушается же оно с трудом. Иногда первично проявившаяся симпатия сменяется ненавистью, но очень редко антипатия (или, лучше, неприятие другого человека) может смениться на любовь. Хотя и такое бывает.

Петр Павлович и Павел Петрович были и несколько похожи друг на друга по телосложению, комплекции и даже по характеру и отношению к окружающему миру, но неизменно вращались каждый в своем круге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.